

ПРОБЛЕМА ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ РАМОК ПОЛИТИКИ ПРОСВЕЩЁННОГО АБСОЛЮТИЗМА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье рассматриваются труды отечественных историков, посвященные определению хронологических рамок политики просвещенного абсолютизма в зарубежных странах и России, излагаются споры вокруг этой проблемы. В итоговой части высказывается мнение, что настало время для более дифференцированного изучения политики просвещенного абсолютизма нового времени, о необходимости выделять четыре группы проводившихся преобразований: предреформы, зрелые (классические) реформы, контрреформы и постреформы.

Ключевые слова: просвещенный абсолютизм, хронология просвещенного абсолютизма, отечественная историография, советская историография, историография просвещенного абсолютизма.

V. S. Antipov

THE PROBLEM OF CHRONOLOGICAL FRAMEWORK OF THE ENLIGHTENED ABSOLUTISM POLICY IN DOMESTIC HISTORIOGRAPHY

The article analyses the works of Russian historians concerning the problem of defining chronological framework of the Enlightened absolutism policy in foreign countries and in Russia and outlines the controversy surrounding this issue. The author concludes that it is necessary to study the policy of the Enlightened absolutism more differentially and emphasizes the requirement to single out four groups of conducted conversions: pre-reforms (preliminary reforms), mature (classical) reforms, counter-reforms, and post-reforms.

Key words: Enlightened absolutism, enlightened despotism, enlightened absolutism chronology, historiography of enlightened absolutism.

В предлагаемой статье мы намерены остановиться на следующих спорных вопросах отечественной историографии, касающихся хронологических рамок политики просвещенного абсолютизма:

- является ли политика просвещенного абсолютизма особенностью только европейского нового времени, или она периодически возникала на протяжении всей государственной истории человечества?
- каковы ранние и поздние хронологические рамки политики просвещенного абсолютизма нового времени в странах Европы?

Прежде чем перейти к проблеме хронологических рамок политики просвещенного абсолютизма, необходимо уяснить хронологические рамки абсолютизма в целом.

Неоднократно историками предпринимались попытки трактовать понятие «абсолютизм» как явление, постоянно возникающее на протяжении всей истории человечества после появления государства.

По мнению Н.И. Кареева государство абсолютной монархии сложилось еще в фараоновском Египте. Историк писал: «Деспотии Древнего Востока, эллинистические царства и Римская империя с Византией и с параллельными образованиями царства Сасанидов, Халифата, Турецкой империи и новой Персии (прибавлю и Китай), с одной стороны, и абсолютные монархии европейского Запада (с Россией XVI–XIX вв.) с другой, могут быть названы явлениями одного и того же политического порядка» [1, с. 4]. «Эпоха абсолютной монархии

на европейском Западе была как бы возвращением к политическим формам императорского Рима» [2, с. 3]. Этот взгляд как нечто само собою разумеющееся был воспринят советской историографией двадцатых — первой половины тридцатых годов. С поправкой на теорию «торгового капитализма» его придерживался признанный глава марксистской советской исторической школы М.Н. Покровский. В статье «Абсолютизм» первого издания «Большой советской энциклопедии» он утверждал: «Абсолютная монархия как форма государственного устройства возникает на основе торгового капитализма. В связи с последним мы ее встречаем всюду — то в восточных государствах эллинистического периода (III–II вв. до н. э.), то в Римской империи, то в Китае» [3, стлб. 88].

Из этих утверждений логически следовал вывод: на протяжении всей истории человечества различные страны в рамках абсолютизма периодически проходили через этап просвещенного абсолютизма, когда высшие лица абсолютистского государства патерналистскими и авторитарными методами осуществляли масштабные программы структурных преобразований. Кареев считал, что «можно распространить употребление термина («просвещенный абсолютизм» — В. А.) и на историю античного мира, когда, положим, приходится характеризовать царствование Марка Аврелия» [4, с. 355]. По его мнению, «сама идея просвещенного абсолютизма в чистом виде зародилась еще в античном мире» [5, с. 355], в греческих и римских политических трактатах IV в. до н. э. — конца II в. н. э., содержащих идеализацию монархической власти, руководимой велениями разума, действующей во имя «общего блага» [6, с. 11–12, 14–16].

В двадцатых — тридцатых годах XX века зарубежными учеными была предпринята попытка создания обобщающего труда, посвященного изучению истории политики просвещенного абсолютизма на протяжении всей истории человечества. «Просвещенный абсолютизм» был обнаружен и в глубокой древности, и в новейшее время не только в Европе, но и на других континентах. В это понятие вкладывали и деятельность Перикла в Древней Греции, и Макиавелли, и революцию Мейдзи в Японии» [7, с. 352]. Современный российский исследователь В. В. Рогинский считает такой подход «антиисторическим» и обреченным на неудачу, поскольку «просвещенный абсолютизм рассматривался здесь не как конкретное историческое явление европейской истории XVIII века..., а как модель государственного вмешательства в экономическую и политическую жизнь с использованием просвещения, науки и философии» [8, с. 352]. Заметим, однако, что Рогинский впадает в тавтологию, просто повторяя одно из используемых сегодня определений политики просвещенного абсолютизма.

Отзвуком построений о возможности проведения политики просвещенного абсолютизма в любую эпоху истории человечества можно считать взгляды некоторых современных зарубежных и российских публицистов, утверждающих, что в России начала XXI века возможна попытка возрождения этой политики [см., например: 9].

Изложенный взгляд на хронологические рамки абсолютизма господствовал в советской историографии до дискуссий конца тридцатых — сороковых годов, в ходе которых утвердилась иная точка зрения, основанная на интерпретации высказываний классиков марксизма-ленинизма. Абсолютизм был отнесен только к историческим процессам нового времени в Западной Европе. Один из создателей советской концепции абсолютизма С. Д. Сказкин писал: «Абсолютизм, абсолютная монархия, последняя форма феодального государства, возникающая в период разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений» [10, с. 31]. Естественно, при такой постановке вопроса, ни о каких формах просвещенного абсолютизма в докапиталистических формациях говорить не приходилось.

Большинство российских и зарубежных исследователей, занимавшихся конкретно-историческими исследованиями просвещенного абсолютизма, предлагали смотреть на эту политику «не как на общее понятие, которое можно прилагать всюду, где только встречаются его признаки», а как на определенную, достаточно точно датируемую эпоху в истории Европы, подобную Ренессансу, Реформации, Контрреформации [11, с. 282]. Из этого исходят авторы обобщающих трудов по истории политики просвещенного абсолютизма [12; 13; 14]. Их позицию разделяют и ученые, изучавшие историю отдельных стран и регионов [15; 16; 17].

Перейдем к спорам о ранних хронологических рамках политики просвещенного абсолютизма нового времени. Большинство дореволюционных российских исследователей (Кареев, П. П. Митрофанов и другие) вслед за немецким историком Ф. Шлоссером [18, с. 116–225] раннюю хронологическую границу просвещенного абсолютизма относили к 1740 году, обосновывая ее вступлением на престол его выдающихся деятелей — Фридриха II в Пруссии и Марии-Терезии в Австрии. Эта датировка нам представляется слишком жесткой и безапелляционной, основанной только на субъективном факторе, связанном с деятельностью отдельных просвещенных монархов.

Мы согласны, скорее, с В. И. Герье, который относил раннюю границу политики просвещенного абсолютизма к концу XVII — началу XVIII века [19, с. 25]. Действительно, некоторые характерные черты такой политики явственно различаются уже в последние десятилетия XVII века, например, в деятельности французского короля Людовика XIV (1643–1715) и Великого Бранденбургского курфюрста Фридриха-Вильгельма (1640–1688). В первой половине XVIII века проводятся реформы в Испании при правлении Филиппа V (1700–1746) и Фердинанда VI (1746–1759).

Многие дореволюционные российские ученые, занимавшиеся отечественной историей, вслед за Вольтером, М. В. Ломоносовым и Н. М. Карамзиным относили преобразования Петра I к политике реформ просвещенного абсолютизма. В трудах Герье и С. М. Соловьева Петр I представал как самый ранний деятель просвещенного абсолютизма в России. М. М. Богословский оценивал деяния преобразователя, как политику просвещенного абсолютизма. В фундаментальном труде, посвященном областной реформе, начатой в 1719 году, он писал: «Хотя «просвещение» эпохи Петра и не достигло еще того широкого масштаба, какой оно получило во вторую половину XVIII века, ничто не мешает причислить и его царствование к эпохе просвещенного абсолютизма... Разница здесь лишь в степени развития руководящего начала, а не в самом начале» [20, с. 21]. Этому же взгляду придерживался Б. И. Сыромятников [21, с. 151–153]. По мнению В. С. Покровского «такие акты (Петра I — В. А.) как «Воинский устав» содержат развернутую теорию просвещенного абсолютизма» [22, с. 226]. А. М. Давидович и С. А. Покровский безоговорочно утверждали: «На наш взгляд политика «просвещенного абсолютизма» проводилась так же Петром I» [23, с. 70]. С этими авторами согласен С. О. Шмидт, считающий, что «есть некоторые основания связывать начальный период «просвещенного абсолютизма» в Европе с деятельностью Петра I» [24, с. 44]. Критериями отнесения царствования Петра I к политике просвещенного абсолютизма эта группа исследователей считала создание основ полицейского государства, опекающего подданных, законодательно регламентирующего все стороны их жизни, стройной системы централистки-бюрократического управления, окончательное превращение церкви в служанку абсолютизма, возникновение новых образовательных учреждений, открытие Академии Наук.

Противоположный подход мы встречаем у Н. М. Дружинина. Не отрицая «элементов просвещенного абсолютизма» в политике Петра I, он считал, что «в первой четверти XVIII века еще отсутствовали не только в России, но и в Западной Европе объективные условия, которые породили осознанную (подчеркнуто нами — В. А.) программу «просвещенного абсолютизма» [25, с. 432]. Комментируя это высказывание, следует указать, что у Дружинина мы сталкиваемся с явным преувеличением роли французских просветителей (Монтескье, Вольтера и других), недооценкой объективных факторов становления политики просвещенного абсолютизма: развития экономики и капиталистических отношений. В то же время Дружинин не учитывал влияния на Петра I современных ему ранних теоретиков просвещенного абсолютизма Х. Вольфа и С. Пуфендорфа, Г. В. Лейбница [См. подробнее: 26, с. 89–91]. Потребность в теоретических построениях в духе просвещенного абсолютизма объективно отражала господствующие устремления российского общества эпохи Петра I. Сам преобразователь стремился предстать перед подданными государем, выводящим страну из тьмы невежества. Феофан Прокопович постоянно обращался к образу Петра I — просвещенного монарха в своих проповедях — панегириках преобразователю России. Наиболее ярко эта

мысль выражена в «Слове о власти и чести царской» и «Слове на похвалу блаженных и высокодостойных памяти Петра Великого» [27, с. 76–93, 129–146]. Современная российская исследовательница взглядов С. Пуфендорфа Н. И. Малышева считает, что Феофан Прокопович разделял взгляды немецкого юриста, одного из создателей доктрины просвещенного абсолютизма на природу монархической власти [28, с. 125].

Рассмотрим споры о поздних хронологических рамках просвещенного абсолютизма. Шлоссер, а вслед за ним и дореволюционные российские ученые связывали позднюю хронологическую рамку политики просвещенного абсолютизма с уходом из жизни Фридриха II, Иосифа II, Екатерины II, началом революции во Франции [29, с. 339–363]. Действительно, в условиях развертывающейся революции, возникновения реальной угрозы монархическим режимам останавливались реформы в России, Австрии, Пруссии, Испании, Португалии, Тосканском герцогстве, Неаполитанском королевстве, наступило время контрреформ и реакции. Например, в России в последние годы царствования Екатерины, короткого времени правления Павла «русское самодержавие потеряло инициативу во внутренней политике..., возникла угроза нарушения той расстановки социальных сил, на основе которой и могла сложиться политика просвещенного абсолютизма» [30, с. 52]. В ходе контрреформ происходил частичный отказ от некоторых преобразований, достигнутых в предшествующий период структурных реформ. Одна из причин этого крылась в том, что часто реформаторы как бы «забегали вперед», опережая уровень готовности к переменам, достигнутый обществом. В ходе радикальных структурных реформ возникал клубок новых противоречий, возрастала нестабильность общества, накапливалась усталость народных масс. Это позволяло консервативным социальным и политическим силам сравнительно легко проводить контрреформы, обычно сопровождавшиеся усилением авторитарных тенденций в управлении. Но полностью консерваторам вернуться к прошлому не удавалось никогда, всегда какая-то часть изменений, происшедших в ходе структурных реформ, оставалась неотъемлемой частью жизни общества. Через некоторое время во многих странах реформы возобновлялись. Причины этого лежали в том, что объективные предпосылки для их проведения сохранялись. Отход от реформ был обусловлен, в частности, внешнеполитическими обстоятельствами, развертывавшимися в Европе войнами. Внутреннее положение стран, еще недавно активно проводивших политику просвещенного абсолютизма, не претерпело радикальных изменений, не изменилось соотношение социальных сил. Эти государства по-прежнему нуждались в проведении реформ, способствующих развитию капиталистических отношений. Попятное движение французской революции после якобинского террора и термидора, государственный переворот Наполеона привели к разочарованию многих ее пылких зарубежных сторонников, снова видевших в реформах оптимальный путь общественных преобразований. В эпоху наполеоновских войн продолжали проводиться реформы в Дании и Швеции, возобновились в Пруссии и Испании.

Не составляла исключения и Россия. Современники «дней Александровых прекрасного начала», включая и императора, воспринимали проводимые преобразования как возвращение к политике екатерининских реформ. В манифесте о вступлении на трон новый государь обещал управлять «по закону и сердцу» «августейшей бабки». Слова о возрождающемся просвещенном правлении не сходили со страниц карамзинского «Вестника Европы». В «Историческом похвальном слове Екатерине II» Карамзин, идеализируя ее реформы, фактически обращался к правящему императору с призывом их продолжить [31, с. 217]. Противопоставляя реформы революции как более совершенный способ общественных преобразований, он напоминал об одном из важнейших принципов политики просвещенного абсолютизма: «Одно время и благая воля законных правительств должны исправлять несовершенства гражданских обществ» [32, с. 268–269].

С тем, что к реформам просвещенного абсолютизма в России можно отнести ранний период царствования Александра I, согласны и многие ученые. В дореволюционной историографии такого взгляда придерживался А. Н. Пыпин, считавший первое десятилетие царствования Александра I временем последовательного развития идей екатерининского време-

ни [33, с. 78]. Выступая в Институте истории на дискуссии 1945 года, посвященной системе просвещенного абсолютизма в России, С. В. Пашков поддерживал этот взгляд [34, с. 57.]. И. А. Федосов предлагал считать первую половину царствования Александра I «вторым периодом просвещенного абсолютизма в России и последним его этапом» [35, с. 52].

Нам так же представляется, что первые годы правления Александра I, время деятельности «Негласного комитета» и проектов реформ М. М. Сперанского были органически связаны с преобразованиями Екатерины II, стали их продолжением в новых условиях. Школьная реформа 1804 года явилась осуществлением нереализованных замыслов Екатерины II. С еще большим основанием это можно сказать о реформе центральных органов власти. «Эта реформа должна была установить ту политическую систему, к которой стремилась Екатерина, то есть утвердить неограниченную, централизованную, бюрократическую, подзаконную монархию» [36, с. 54]. Смягчение цензуры, закон 1803 года «О вольных хлебопашцах» также вполне укладываются в обычный набор реформ просвещенных монархов.

В советской историографии против отнесения ранней политики Александра I к реформам просвещенного абсолютизма выступал Н. М. Дружинин. Суть его доводов сводилась к следующему. Во-первых, идеология Просвещения в начале XIX века утратила свое влияние на формирование политического курса России, во-вторых, реформы Александра I, проекты Сперанского, конституции, дарованные Польше и Финляндии, означали качественно новую ступень в реформировании российского общества [37, с. 457]. Дружинину возражал Федосов, справедливо указывавший на то, что «Взгляды Вольтера и Монтескье... не составляли существа политики просвещенного абсолютизма», нереализованные проекты Сперанского не могут быть основанием для оценки политики, конституции Польши и Финляндии никоим образом не затронули сущности социальных и политических отношений в России [38, с. 52]. Аргументы Федосова нам представляются убедительными. И наоборот, трудно согласиться с категорической формулировкой, что история политики просвещенного абсолютизма «не выходит за рамки XVIII века — века Просвещения», а начало Великой Французской революции «одновременно было и концом просвещенного абсолютизма» [39, с. 50, 51].

Известный историк А. А. Корнилов относил к просвещенному абсолютизму в России не только все годы царствования Александра I, но и Николая I. О царствовании последнего он писал: «по своим намерениям Николай гораздо больше подходит к таким представителям просвещенного абсолютизма, как Иосиф II и Фридрих Великий» [40, с. 193]. «Запоздалые отзвуки» идей просвещенного абсолютизма «у отдельных чиновников вроде П.Д. Киселева» находил Дружинин [41; 42, с. 457]. Впрочем, Дружинин тут же оговаривался, что не действия отдельных просвещенных сановников определяли внутреннюю политику Николая I [43, с. 457]. А. Я. Аврех считал, что такие шаги николаевской администрации как возвращение из ссылки Сперанского, создание Полного свода законов Российской империи свидетельствовали, что русский царизм продолжал развиваться в направлении идей екатерининского «Наказа» [44, с. 93]. В ходе развернувшейся дискуссии точка зрения Авреха была подвергнута критике. Его оппоненты возражали против попыток представить Николая I царем реформатором, ибо «руководящим принципом его политики стало стремление «заморозить Россию» [45, с. 71].

В конечном итоге в советской историографии утвердилась точка зрения, что «примерно с конца 1810-х годов абсолютизм сделался реакционной силой, все в большей степени препятствовавшей общественному, хозяйственному и культурному развитию страны» [46, с. 58]. Нам так же представляется, что последнее десятилетие царствования Александра I и «консервативная модернизация» Николая I не могут соответствовать критериям политики просвещенного абсолютизма. Только «в 1860-ые годы были осуществлены реформы, направленные на превращение абсолютизма в буржуазную монархию» [47, с. 58].

Перейдем к выводам.

Мы согласны с теми исследователями, которые считали, что политика государственного патернализма периодически возникала на протяжении всей государственной истории челове-

чества. Естественно каждый раз она получала особенное наименование и обосновывалась определенной группой идеологов.

Политика просвещенного абсолютизма, характерная для ряда стран континентальной Европы нового времени, являлась одной из конкретных исторических форм авторитарного государственного патернализма. Осуществлялась она под влиянием идеологов-просветителей второй половины XVII–XVIII веков, когда большое количество монархов и министров использовали их идеи в государственном строительстве.

Хронологические рамки политики просвещенного абсолютизма нового времени (включая предреформы и постреформы) можно отнести к последней трети XVII — первой четверти XIX века. Представляется ошибочным искать какие-то более конкретные даты ее начала и окончания в общеевропейском масштабе, связывать их с правлением отдельных монархов. Ибо просвещенный абсолютизм был явлением, развивавшимся в многочисленных государствах, возникавшим и завершавшимся в каждой стране с большой разницей во времени.

Различие взглядов в определении хронологических рамок просвещенного абсолютизма нового времени в первую очередь связано с отсутствием четких критериев этой политики. Либеральные историки во главу исследований ставили этапы развития государственности, марксисты — экономические предпосылки. Предстоит значительная работа по дальнейшему углубленному изучению этого феномена. В 1893 году Н. И. Кареев писал: «К сожалению, ... нельзя назвать исторического труда, который был бы специально посвящен рассмотрению просвещенного абсолютизма..., характеризующего целую эпоху в истории Европы» [48, с. 5]. Через сто лет историк Ю. Е. Ивонин констатировал: «В отечественной историографии рассматриваемая проблема специально не изучалась» [49, с. 151]. И сегодня разработка точных критериев политики просвещенного абсолютизма остается насущной задачей его исследования. Только в 2011 году, наконец, появился вузовский учебник по новой истории, в котором уделено достойное место политике просвещенного абсолютизма [50].

Мы считаем, что настало время для более дифференцированного изучения политики просвещенного абсолютизма нового времени. Нам представляется, что при изложении конкретного материала по ее истории необходимо выделять, по крайней мере, следующие этапы.

1. Предреформы. Это период начальных преобразований, поиска путей их проведения, когда носители власти руководствовались назревавшими общественными потребностями, в первую очередь в экономической сфере. Для обоснования этих реформ использовались идеи ранних просветителей (С. Пуфендорфа, Х. Вольфа). К этой категории могут быть отнесены реформы Петра I и Елизаветы Петровны в России, Фридриха — Вильгельма I в Пруссии, Филиппа V и Фердинанда VI в Испании. Понятие «предреформизм» давно используется испанскими историками относительно реформ, начатых первыми монархами династии Бурбонов, сменивших в начале XVIII века на троне Габсбургов.
2. Классические (зрелые) реформы просвещенного абсолютизма (Фридриха II, Марии-Терезии, Иосифа II, Екатерины II, Карла III, Густава III и т. д.). Осуществлялись в непосредственном контакте с деятелями зрелого Просвещения. Это период структурных реформ в различных сферах жизни общества. Они корродировали феодальные хозяйственную и политическую системы, «открывали более широкие возможности для капиталистического развития и вместе с тем подготовили почву для будущих преобразований», писала советский историк Ролова А.Д. [51, с. 518–519]. Однако Ролова тут же добавляла, что эти реформы «ни в коей мере не затрагивали основ феодального строя». [52, с. 518–519]. Нам кажется, что этот вывод противоречит ее предыдущим словам и является данью марксистским построениям, согласно которым единственно социальная революция способна разрушить основы предшествующей социально-экономической формации.
3. Контрреформы. Проводились в большинстве стран просвещенного абсолютизма в конце XVIII века. Характеризовались остановкой реформ и частичной их отменой. Контрреформы могут быть сравнены с явлением временного отступления назад (термидора) в социальных революциях.

4. Постреформы. Продолжение в отдельных странах, доведение до конца прерванных реформ эпохи классического просвещенного абсолютизма, подобно тому, как это происходило после незавершенных социальных революций. Таковы, продолжавшиеся в начале XIX века реформы Александра I раннего периода его царствования, «великие реформы» в Дании, реформы Г. Штерна — К. Гарденберга в Пруссии, реформы Кадисского парламента в Испании. Проведение постреформ просвещенного абсолютизма происходило в годы постепенного перерастания абсолютистских государств в буржуазные монархии. Постреформы сливались с начинавшимися буржуазными реформами. Значительнейшее влияние на них оказали идеи и практика первого (конституционно-монархического) этапа Великой французской революции. Вопрос соотношения реформ просвещенного абсолютизма и первых преобразований революционных лет во Франции весьма сложен. Нам кажется, что их надо не только противопоставлять (как это делалось в советской историографии), но следует рассматривать в более глубокой историко-генетической связи. Многие французские реформы, проведенные с июля 1789 до августа 1792 года (административные, судебные, церковные, сословные, экономические) восходили к нереализованным проектам просвещенных реформаторов (Р. Л. Аржансона, А. Р. Тюрго и других), учитывали опыт подобных реформ ранее проводившихся в странах просвещенного абсолютизма. Разумеется, в ходе развертывавшейся во Франции социальной революции с широким участием масс эти реформы осуществлялись в гораздо более радикальных вариантах.

Литература

1. Кареев Н. И. Западноевропейская абсолютная монархия XV, XVI, XVII и XVIII веков. Общая характеристика бюрократического государства и сословного общества. СПб.: Типография Стасюлевича М. М., 1908.
2. Там же.
3. Покровский М. Абсолютизм // Большая Советская Энциклопедия. 1 изд. Т. I. М.: Советская энциклопедия, 1929.
4. Кареев Н. И. Западноевропейская абсолютная монархия XV, XVI, XVII и XVIII веков. Общая характеристика бюрократического государства и сословного общества. СПб.: Типография Стасюлевича М. М., 1908.
5. Там же.
6. Там же.
7. Рогинский В. В. Ранние буржуазные государства и «просвещенный абсолютизм» в Европе XVIII века // История Европы. Т. 4. М.: Наука, 1994. С.349–366.
8. Там же.
9. Ихлов Е. В. Закон против турбулентности [Электронный ресурс] // Грани.ру. 13.07.2010. Режим доступа: <http://grani.ru/opinion/m.179800.html>. (Дата обращения 23. 01. 2013)
10. Сказкин С. Д. Абсолютизм // Большая Советская Энциклопедия. 3 изд. Т. I. М.: Советская энциклопедия, 1970.
11. Кареев Н. И. История Западной Европы в новое время (развитие культурных и социальных отношений). Т. 3. «Восемнадцатый век» и Французская революция. СПб.: Типография Стасюлевича М. М., 1893.
12. Bluche F. Le Despotisme eclaire. P.: Fayard, 1968.
13. L' absolutisme eclaire. P.: CNRS, 1985.
14. Meyer J. Le Despotisme eclaire. P.: PUF, 1991.
15. Митрофанов П. П. История Австрии с древнейших времен до 1792 года. 2 изд. М.: Едиториал УРСС, 2003.
16. Воцелка К. История Австрии: культура, общество, политика. М.: Весь мир, 2007.
17. Федосов И. А. Просвещенный абсолютизм в России // Вопросы истории. 1970. № 9. С. 34–55.
18. Шлоссер Ф. Всемирная история. Т. 6. СПб.: Изд-во Серно-Соловьевича А. А., 1862.
19. Герье В. И. Лейбниц и его век. Т. II. Отношение Лейбница к России и Петру Великому: по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб.: Печатня Головина В. И., 1871.
20. Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. Провинция. 1719–1727. М.: Университетская типография, 1902.

21. Сыромятников Б. И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1943.
22. Покровский В. С. Политические учения в период укрепления абсолютной дворянской монархии в России // История политических учений. М., 1955. С. 224–236.
23. Давидович А. М., Покровский С. А. О классовой сущности и этапах развития русского абсолютизма // История СССР. 1969. № 1. С. 58–78.
24. Шмидт С. О. Внутренняя политика России середины XVIII века // Вопросы истории. 1987. № 3. С. 42–58.
25. Дружинин Н. М. Просвещенный абсолютизм в России // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М.: Наука, 1964. С. 428–459.
26. Антипов В. С. Просвещенный абсолютизм: предпосылки становления. Псков: Изд-во ПГПУ, 2011.
27. Прокопович Ф. Сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
28. Мальшева Н. И. Политико-правовое наследство Самуила Пуфендорфа // Правоведение. 1999. № 1. с. 122–127.
29. Шлоссер Ф. Всемирная история. Т. 6. СПб.: Изд-во Серно-Соловьевича А. А., 1862.
30. Федосов И. А. Просвещенный абсолютизм в России // Вопросы истории. 1970. № 9. С. 34–55.
31. Карамзин Н. М. Историческое похвальное слово Екатерине II // Карамзин Н. М. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 158–218.
32. Карамзин Н. М. Избранные сочинения: в двух томах. Т. 2. М. Л.: Художественная литература, 1964.
33. Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб.: Типография Стасюлевича М. М., 1908.
34. Об итогах дискуссии о периодизации истории СССР // Вопросы истории. 1951. № 3. С. 53–60.
35. Федосов И. А. Просвещенный абсолютизм в России // Вопросы истории. 1970. № 9. С. 34–55.
36. Там же.
37. Дружинин Н. М. Просвещенный абсолютизм в России // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М.: Наука, 1964. С. 428–459.
38. Федосов И. А. Просвещенный абсолютизм в России // Вопросы истории. 1970. № 9. С. 34–55.
39. Шмидт С. О., Гутнова Е. В., Исламов Т. Абсолютизм в странах Западной Европы и в России (опыт сравнительного изучения) // Новая и новейшая история. 1985. № 3. С. 42–56.
40. Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М.: Высшая школа, 1993.
41. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Кисилева. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946.
42. Дружинин Н. М. Просвещенный абсолютизм в России // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М.: Наука, 1964. С. 428–459.
43. Там же.
44. Аврех А. Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. 1968. № 2. С. 82–104.
45. Давидович А. М., Покровский С. А. О классовой сущности и этапах развития русского абсолютизма // История СССР. 1969. № 1. С. 58–78.
46. Шмидт С. О., Гутнова Е. В., Исламов Т. Абсолютизм в странах Западной Европы и в России (опыт сравнительного изучения) // Новая и новейшая история. 1985. № 3. С. 42–56.
47. Там же.
48. Кареев Н. И. История Западной Европы в новое время (развитие культурных и социальных отношений). Т. 3. «Восемнадцатый век» и Французская революция. СПб.: Типография Стасюлевича М. М., 1893.
49. Ивин Ю. Е. Проблемы просвещенного абсолютизма в Германии в современной историографии // Вопросы истории. 1998. № 2. С. 149–154.
50. История стран Европы и Америки в новое время: в 2 ч.: учебник. М.: Академия, 2011.
51. Ролова А. Д. Италия в XVIII веке // История Италии. Т. 1. М.: Наука, 1970. С. 505–525.
52. Там же.